

GEOPOLITICS, ISLAM, AND GLOBALIZATION: A CRITIQUE OF RADICAL INTERPRETATIONS**Kozubaeva A.***Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Kyrgyz National University***ГЕОПОЛИТИКА, ИСЛАМ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: КРИТИКА РАДИКАЛЬНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ****Козубаева А.О.***кандидат философских наук, доцент
Кыргызский Национальный Университет
<https://doi.org/10.5281/zenodo.15879904>***Abstract**

This article explores the interconnection between Islam, globalization, and geopolitics, while offering a critical analysis of radical interpretations that erroneously associate Islam with extremism and terrorism. Historical factors—such as colonial legacies and the superpower rivalry during the Cold War—contributed to the politicization of religion and made Islamic communities vulnerable to ideological manipulation. Terrorist organizations such as al-Qaeda and ISIS use religious rhetoric to achieve political goals, which contradicts the theological and ethical foundations of Islam.

Аннотация

В статье рассматривается взаимосвязь ислама, глобализации и geopolitics, а также проводится критический анализ радикальных интерпретаций, ошибочно связывающих ислам с экстремизмом и терроризмом. Исторические факторы - такие как колониальное наследие, противостояние сверхдержав в период холодной войны способствовали политизации религии и сделали исламские сообщества уязвимыми к идеологическим манипуляциям. Террористические организации, такие как «Аль-Каида» и ИГИЛ, используют религиозную риторику для достижения политических целей, что противоречит теологическим и этическим основам ислама.

Keywords: Islam, globalization, geopolitics, extremism, terrorism, radicalization, pseudo-Islam, political Islam, jihad, al-Qaeda, ISIS, Islamophobia, Cold War.

Ключевые слова: ислам, глобализация, geopolitics, экстремизм, терроризм, радикализация, псевдоислам, политический ислам, джихад, Аль-Каида, ИГИЛ, исламофобия, холодная война

Процесс глобализации, берущий начало с эпохи Великих географических открытий, способствовали вовлечению исламского мира в глобальные политические и экономические структуры. Освободившись от колониального гнёта, мусульманские страны начали формировать самостоятельную повестку, вступая в научный, технологический и культурный диалог с Западом. Однако одновременно усилилась внутренняя напряжённость: трансформация моральных основ ислама сопровождалась всплесками деструктивных тенденций, частью которых стало формирование радикализированных идеологий.

Историческое противостояние СССР и США сыграло ключевую роль в политизации ислама, превратив его из духовной традиции в инструмент геополитической борьбы. Стремление сверхдержав к расширению влияния вынуждало их опираться на союзников в мусульманском мире. Уже с момента становления советской власти, советское руководство, начиная с середины 1920-х годов, выработало стратегию «акклиматизации» к мусульманским регионам, подчёркивая, что религия в данном случае выступает «опиумом для народа», но социально-

экономические уступки помогут получить временную лояльность. Требование руководства «учитывать специфику мусульманской бедноты» проявилось в создании национальных кадровых школ и ограниченном финансировании религиозных учреждений без тотальных репрессий против мирного духовенства. Идея мировой революции, распространённая в марксистском дискурсе, побуждала советское руководство искать поддержку среди мусульманских народов, находящихся под колониальным гнётом. Национально-освободительное движение в странах ислама воспринималось как прогрессивное и антиимпериалистическое. Однако в этом же контексте начали формироваться религиозно-политические организации, не вписывающиеся в гуманистические рамки. В то же время Запад стремился использовать исламские движения, как инструмент противостояния коммунизму, приписывая им прогрессивный, даже социалистический характер. СССР и США нередко финансировали и вооружали повстанческие движения в Африке и Азии, стремясь реализовать собственные геополитические цели. Этот прагматизм привёл к формированию радикальных групп, подкреплённых идеологией, вооружением и логистикой. Особое внимание

уделялось «Братьям-мусульманам» в Египте и Афганским моджахедам, чьи политические платформы включали элементы исламского социализма. Такое сотрудничество привело к парадоксальной ситуации, когда структуры, изначально подпитываемые западными грантами, впоследствии становились «горячими точками» терроризма.

Вторжение СССР в Афганистан (1979) стало катализатором трансформации «джихада» из религиозного понятия в инструмент внешней политики. В результате изоляции Афганистана и последующей гражданской войны страна превратилась в «тренировочный лагерь» для будущих исламистских экстремистов. После ухода советских войск (1989) последовал вакуум власти, заполнившийся радикальными ваххабитскими учениями: в Кабуле, появились мечети, где новую интерпретацию ислама преподавали арабские проповедники. Долгосрочные последствия этой кампании проявились в резком росте транснационального терроризма. Получившие опыт в войне с советской армией бойцы-моджахеда составили костяк местного движения Талибан и транснациональной террористической организации Аль-Каида. Эти ультраэкстремистские группировки подняли радикализацию политического ислама на новый уровень, резко повысив уровень одобрения войны как инструмент достижения политических целей.[1]. Итогом появления на арене неправительственных религиозно-политических организаций (НРПО), деятельность которых имеет выраженный экстремистский характер, прикрывающийся исламской риторикой, стали события 11 сентября 2001 года, когда стало известно о сотрудничестве Усамы бен Ладена с американскими спецслужбами в предыдущие десятилетия. Впрочем, признаки становления экстремистской субкультуры были заметны ещё в конце 1980-х годов - захваты заложников, теракты, идеологизация насилия под исламским флагом.

После 2001 года террористическая угроза получила новую конфигурацию в лице ИГИЛ, провозгласившего «халифат» в 2014 году. Несмотря на то, что ИГИЛ оттеснило «Аль-Каиду» с медийной повестки, последняя продолжает оставаться активной и даже расширяет своё присутствие. В дискурсе СМИ при этом закрепилось устойчивое клише, соединяющее ислам и терроризм, что в научной и общественной среде вызывает всё больше критики. Политолог О.Молдалиев справедливо указывает, что ислам не имеет никакого отношения к явлениям экстремизма и терроризма и является религией мира и прогресса[2]. Терминологическая путаница способствует искажению сущности ислама, который в своей этической и философской основе противоположен идеологии насилия.

Наша концепция основывается на принципиальной сепарации понятия «исламский терроризм», при которой религия рассматривается как реальная противоположность мировоззрению экстремизма и терроризма. Однако мы не можем игнорировать тот факт, что рассматриваемая разновидность террора

возникла в обществах исламской цивилизации. Последствия глобализации для стран Востока привели к формированию у незначительной части общественных слоев утопического сознания и экстремистского духа. Несмотря на то что эти правоверные мусульмане не участвуют непосредственно в террористической деятельности, они демонстрируют склонность к экстремистским идеям. Тем не менее морально-этические принципы ислама и дух терроризма представляют собой непримиримые противоречия. Каждый поступок мусульманина, начиная с утра и заканчивая отходом ко сну, сопровождается словами «Бисмилляхи-рахмани-рахим», что переводится как «Во имя Аллаха милостивого, милосердного». Эта важная черта ислама, отражающая его сущность, была подчеркнута А. Игнатенко. «Если вы возьмете любой исламский текст, то в нем говорится о милосердии. Каждый исламский текст начинается словами: «Во имя Аллаха милостивого и милосердного», в то время как ваххабитские тексты, заявления и лозунги начинают со слова «неверный»: «мы против неверных, мы всех неверных уничтожим». Мнение о несоответствии ислама и политического экстремизма находит отклик у многих известных общественных деятелей. Одним из наиболее авторитетных высказываний является мнение академика Е.М. Примакова, признанного эксперта в области международных отношений. Он утверждает, что «значительное количество террористических актов на международной арене сейчас осуществляется экстремистскими группами, действующими под лозунгом ислама». Автор считает попытку приравнять ислам и терроризм вредной частью политики, направленной на создание образа ислама как нового «пугала» для цивилизации Запада после краха коммунизма[3].

Историческая практика однозначно свидетельствует о том, что мусульмане, следуя духу своей религии, могут успешно и взаимовыгодно сотрудничать с представителями других конфессий на пути прогресса. Современная общественно-политическая практика демонстрирует все новые факты, подтверждающие, что ислам и терроризм — это совершенно разные явления. Под взрывами террористических бомб в арабских странах прежде всего гибнут мусульмане. Следовательно, постановка вопроса о поддержке экстремистов населением исламского Египта, в условиях, когда от терактов погибают «десятки правоверных», является абсурдной. Даже в Пакистане, который некоторыми политиками рассматривается как центр псевдоисламского экстремизма, преступники, прикрывающие свои амбиции религиозной риторикой, захватывают заложников и убивают мусульман.

Многие исследователи и журналисты усматривают истоки «исламского терроризма» в концепции шахида-человека, который, погибнув в бою против неверных, обретает место в раю. Именно принцип джихада, по их мнению, формирует террористов, готовых на самопожертвование. Однако, вместе с тем, эта точка зрения игнорирует тот факт, что и в христианстве воин, павший на поле брани, также обретает место в раю.

Существует множество единых основ и принципов, направленных на формирование человеческой морали, что подтверждается при сравнительном анализе Корана и Нового Завета, где можно выявить значительное сходство в теоретических положениях обеих религий. Предлагаемое понятие «псевдоислам», в отличие от термина «исламский терроризм», более точно и существенно характеризует исследуемое явление.

Ислам - это «система представлений, чувств и культовых действий, религиозных учреждений». Его сущностным содержанием является вера в существование Единого Бога. Это фундаментальное положение религии объясняет, что человек добровольно отказывается от роли хозяина своей судьбы, признавая, что его успех или неуспех определяются Всевышним. Важно, что достижение успеха связано с соблюдением религиозных норм и запретов, главный из которых - запрет на внеправовое убийство человека.

Экстремизм же определяется как «приверженность в политике к крайним взглядам и мерам», что является формой правового нигилизма. Теория и практика применения антигуманных методов достижения политической власти противоречит основным принципам религии, таким как любовь, милосердие, терпение и сострадание. Поэтому попытка привести экстремизм и ислам в соответствие как теоретические и духовные феномены является необоснованной. Следует отметить, что экстремизм в законодательстве характеризуется как преступное деяние, а не идеология.

Религия, как система вероучений, представляет собой сферу общественного сознания. В связи с этим, такое понятие, как религиозный экстремизм, не имеет объективных оснований в контексте религиозных учений. Экстремизм, является политическим явлением, которое, согласно законодательству, влечет за собой уголовную ответственность. Однако ответственность гражданина должна касаться конкретных противоправных деяний, а не лишь намерений. Следовательно, экстремизм представляет собой преступные действия личности или организации, направленные на насильственное захват власти. При этом характеристика данного явления как идеологической позиции конкретного индивида или социальной группы, выражающей приверженность крайним взглядам, не является проявлением экстремизма. Агрессивные настроения, если они не выражаются в противоправных действиях, не могут быть квалифицированы как экстремизм. В то же время, экстремизм как политическое учение полностью разрывает связи с религией, оказывая влияние на личность и подавляя ее внутренние сдерживающие силы, необходимые для контроля агрессивных, разрушительных наклонностей.

Основная цель лидеров экстремистских и террористических организаций заключается в достижении политической власти, прикрываясь различными идеологическими лозунгами, такими как национализм, конфессионализм и политические идеологии. К концу XX в. террористические акты,

имеющие целью регулярное, по возможности массовое уничтожение людей, превратились в распространённое средство достижения политических целей. [4]. В этом контексте терроризм является, прежде всего, инструментом этнического или этноконфессионального сепаратизма, ирредентизма и политического истеблишмента, стремящегося к мировому господству или господству в своем регионе. Террористические организации, такие как «Исламское государство» (ИГИЛ), имеют определенную народную поддержку среди иракских и сирийских суннитов. Однако это не является основанием для утверждения о жестокости ислама как такового или о поддержке суннитами радикальной интерпретации Корана. Существенная часть жертв ИГИЛ - мусульмане, в том числе и сунниты. Теория ИГИЛ, касающаяся мусульманской жизни, чужда исламской традиции. Исламский фундаментализм, как и другие формы религиозного фундаментализма, является современным явлением. Экстремистские религиозные группировки, разочарованные в современной политике, стремятся возвратиться к идеализированному исламскому прошлому, которое на самом деле никогда не существовало. Радикализм, присущий «Аль-Каиде» и ИГИЛ, возник не из исторического исламского халифата, а благодаря идеям XX века, например, пропаганде египетской ассоциации «Братья-мусульмане», возглавляемой Сейидом Кутбом.

Отметим, что сущность псевдоислама определяется в постановке конечной цели. Для всех террористических групп, прикрывающихся различными лозунгами, цель одинакова - захват и использование власти. При этом морально-этические и духовные рамки, не говоря уже о правовых, не являются сдерживающими факторами для этих групп. Католикам, таким как ирландцы, баски или кечуаны, неважно, что Папа Римский осуждает терроризм, а лжемусульманам из «ваххабитских» братств не важны нарушения установлений Корана - для них важен лишь контроль над территорией, собственными властными структурами, финансовыми потоками и легализацией преступных доходов, таких как доходы от наркоторговли.

Не может быть реальным фактором «исламского экстремизма» и принцип джихада. Знакомое только ориенталистам и студентам исторических факультетов концепция «джихада» во второй половине двадцатого века стала достоянием многомиллионной мировой мировой прессы. Отсутствие объективных и консервативных знаний о природе Ислама привело к тому, что это слово стало синонимом агрессивности, антигуманности и деструктивного характера всех мусульман [5]. Военный джихад как политический аспект ислама утратил своё значение после смерти пророка Мухаммеда. В последующие исторические эпохи, а особенно в современности, джихад используется не духовенством, а политиками, которые прикрывают свои амбиции религией, чтобы решить конкретные политические задачи. Если обратить внимание на историческую реальность распространения ислама, становится очевидным, что завоевательные походы

не преследовали цель распространения ислама. Арабы, ведущие военные действия, не ставили своей целью обращение народов в ислам. Например, на Балканах, где ислам доминировал на протяжении веков, болгары, сербы, румыны и другие народы не были обращены в ислам. Несмотря на свою абсолютную власть, мусульмане не применяли насилие для обращения местных народов в ислам. Если бы это происходило, все завоеванные территории немедленно восстали бы против мусульман. Известно, что ранние халифы, обладавшие мудростью, понимали, что законы и религия не могут быть навязаны силой. Попытки идеологов исламистских организаций оправдать свои антигуманные действия ссылкой на традиции времён Мухаммеда и утверждения, что джихад является требованием ислама, не выдерживают критики. «Джихад, священная война, не входит в пять столпов веры». Мухаммед проповедовал мирные способы разрешения конфликтов, предлагал искать мирные решения через договоры, терпимость и честность.

Завоевательные походы халифов следует рассматривать как военно-политический аспект, направленный на расширение территории и получение дополнительных выгод, а не как распространение религии. Важно помнить, что ислам, помимо призывов к джихаду, также содержит элементы терпимости к последователям других религий. Мусульмане освобождали патриархов, священников и других религиозных служителей от налогов. Например, Умар ибн аль-Хаттаб не причинил вреда христианам, когда вошёл в Иерусалим как завоеватель. Напротив, крестоносцы, входя в этот город, убивали мусульман и сжигали евреев.

Необходимо также различать терроризм и радикализм. Псевдоисламский терроризм может исходить из исламского радикализма как течения, которое выражает жесткую критику существующего социального порядка. Исламская религия и политика могут рассматриваться как социально-политический феномен, образующий исламский фактор, который включает в себя различные политические силы, включая националистические и криминальные структуры, не имеющие отношения к подлинному исламу. В этой связи необходимо отметить, что в рамках исламского фактора действуют силы, которые используют религию в целях, далеких от истинных учений ислама.

Концепция настоящего исследования основывается на утверждении, что ислам оказывает культурообразующую роль не только в исламском мире, но и на мировом уровне. Это подтверждается социально-политической практикой Саудовской Аравии и соседних стран, где правители, придерживаясь ислама, смогли добиться значительного прогресса в обществе, опираясь на научно-технологическую помощь Запада. Властям Саудовской Аравии, несмотря на приверженность фундаменталистскому исламу, не препятствует восприятие позитивных элементов западной культуры для обеспечения процветания общества.

Однако ваххабизм, играющий значительную роль в этой стране, используется как идеологическое прикрытие псевдоисламскими террористами, представляясь реакционным и антицивилизационным явлением. «Аморальный симбиоз религии и политики всё больше обостряет конфликты в межэтнических и межконфессиональных отношениях, порождая войны, которые имеют скорее не цивилизованную, а нецивилизованную форму, противоречащую духу всех традиционных религий, включая авраамические - христианство, иудаизм и ислам».

А. Игнатенко, ведущий ориенталист отмечает "разговоры об "исламе вообще" при ближайшем рассмотрении оказываются беспредметными. Ислам существует в разных, скажем так, "страновых" или "региональных" формах. Кстати сказать, пророк ислама Мухаммад предсказал эту раздробленность ислама, сказав, что после его смерти ислам расколется на семьдесят три "секты" - араб "фирка". И все они будут гореть в адском пламени, кроме одной - "спасшейся". Подразумевается, что семьдесят две "секты" из семидесяти трёх будут заблудшими, другими словами, их ислам будет "неправильным" [6]. Следует отметить, искажения в фундаментальном исламе наблюдаются в отдельных группах, таких как усамизм (последователи Усамы бен Ладена), ваххабизм, кутбизм (по имени Сейида Кутба) и халифатизм, которые выражают специфические взгляды на такие вопросы, как единобожие, такфир, джихад и другие. Искажения религиозных учений в современных условиях могут доходить до того, что возникают элементы, напоминающие первобытное язычество. Люди Писания (иудеи, христиане и мусульмане) обладают высокими нравственными критериями и следуют понятиям дозволенного и запрещенного, основанным на повелениях, содержащихся в священных писаниях. Использование ислама в агрессивных политических целях против иудеев и христиан не соответствует духу религии, поскольку мусульманам дозволено есть пищу, приготовленную людьми Писания, также как и наоборот. Именно поэтому, псевдоислам не может олицетворять исламскую религию в целом. Следует отметить, что власти ряда стран, включая Кыргызстан, официально признали недопустимость использования терминов «исламский экстремизм» и «джихад» для описания террористических групп. Согласно экспертам, правильное называть участников этих антигуманных движений «бандитами», не имеющими религиозного содержания. Их действия не могут быть оправданы религиозной принадлежностью, поскольку они представляют собой преступников, а не истинных мусульман.

Таким образом, концепция, согласно которой ислам и теория и практика экстремизма и терроризма - явления несовместимые, получает все большее подтверждение.

Список литературы:

1 <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-transformatsii-politicheskogo-islama-v-mirovoy-politike-vozniknovenie-nasiliya-i-terrorizma>
2 <http://www.religion.gov.kg/ru/post/58>
3 <https://islamdag.ru/analitika/13547>
4 <https://volchansk-adm.ru/safety/publicsafetyantiterror/activities/media/2>

018/6/18/terrorizm- ugroza-sovremennogo-obschestva/?ysclid=marwlfu6pd595787181

5 <https://cyberleninka.ru/article/n/voenny-dzhihad-radikalnyh-islamistov-kak-bida-vrednoe-novovvedenie>

6 <https://rg.ru/2010/11/18/islam-site.html>